

Профессор-убийца

В кабинете директора дипломатического лицея зазвонил телефон. Звонил ректор сельхозинститута, по новым временам звучно переименованного в Академию животноводства и зерноводчества. Наш директор тоже был не лыком шит: хозяин новенького с размахом построенного лицея, хоть и разменял восьмой десяток, все еще владел ситуацией — на обкомовских харчах старость и атеросклероз делают скидку на пару десятков лет.

Хорошо поставленным голосом и, все-таки, несколько неуверенно, ректор выложил свою ошеломляющую новость:

— С вами говорит ректор Академии животноводства и зерноводчества. Мы в курсе дела, что профессор нашей Академии Штрудельман только что убил преподавательницу вашего лицея, и немедленно примем меры. Мой секретарь уже подготовил приказ об увольнении профессора Штрудельмана.

Закаленный в буднях великих строек и выплывший в мутных водах перестройки директор лицея оторопел. Но обдумывать ответ не пришлось — в трубке раздались короткие гудки. И директор побежал... В огромных окнах коридора замелькала фигура запыхавшегося немолодого человека. Опротев по лестнице на второй этаж, и опять — вдоль достойно несущих европейский ремонт стен — в учительскую.

— Где?!

Учителя застыли в вопросе.

— Где труп?

Постановщики "Ревизора" изошли бы завистью при виде этой немой сцены.

Кое-как объяснив ситуацию, которая в эпоху безнаказанного и санкционированного отстрела не казалась таким уж сюрсом, директор разослал гонцов. Призваны были все — для проверки личного состава и выявления личности трупа методом исключения.

В Академии события развивались не менее фантастично. Полчаса назад профессор Штрудельман ворвался на кафедру с криками:

— Помогите мне! Я только что убил женщину — учительницу дипломатического лицея!

Молоденькие аспирантки не поддались панике — профессор Штрудельман не имел ни малейшего шанса ошеломить их таким заявлением — они бы не поверили, даже если бы он представил доказательства.

Пятидесятилетний математик представлял собой вымирающий вид русской профессуры. Правда, к русской профессуре его можно было отнести с двумя оговорками. Во-первых, как вы уже, наверное, догадались по вкусной фамилии, — профессор не был русским. А, во-вторых, среди математиков бытует представление о школах русской и еврейской математики. По мнению все тех же математиков, представители первой — интуитивно генерируют идеи, а второй — находят им логическое объяснение.

Рассеянность и архаизм профессора Штрудельмана были лакомым кусочком для студенческих КВНов и кафедральных капустников. Погруженный в процесс сложных логических построений, профессор не то чтобы не узнавал своих коллег и студентов, когда шел по коридору, нет, он узнавал их и даже готов был поздороваться, но происходило это с неким запаздыванием. Это было забавно наблюдать: он всплывал на поверхность реальности, приостанавливался, даже открывал рот, но, осознав, что время упущено, погружался вновь. Между тем каким-то образом ни одна женщина или студентка в институте не могли упрекнуть профессора в отсутствии галантности — всё так же, не выплывая из задумчивости, он приостанавливался в дверях, чтобы пропустить даму.

По институту ходила байка. Однажды профессора Штрудельмана вызвали на ковер. Обычно снисходительный к студентам и их непричастности к его предмету, профессор отказался ставить зачет студенту Салтыкову. Не то чтобы этот молодой человек был уж отпетым хамом. Просто — некий люфт в воспитании. Да и откуда? Отец юноши сколотил капитал в благословенные времена челночников, и, обеспечив сына машиной, квартирой и прочим антуражем, разумно позаботился и о получении чадом образования. Отсутствие дипломатического лоска проявлялось иногда в, так сказать, робкой наглости парня. Он не хамил, нет, он просто не подозревал, что его неумение завуалировать свои претензии и запросы выглядят как наглость и хамство. А допотопный профессор по каким-то глупым, мелочным причинам отказал молодому человеку в своей обычной снисходительности. Оба "мальчика", вероятно, даже не отдавали себе отчет в том, что их неявное противостояние было типичным конфликтом интеллигентности и жлобства. Эта явная причина осталась за кадром, а все остальное выглядело мелочным и незначительным. Но профессор уперся, как пожаловался папе беззлобный Салтыков, "рогом". Отец незадачливого студента обратился за помощью к декану.

И вот — оба упряма на ковре. Битый час вкручивал декан невоспитанному юноше о его неподобающем поведении. И Салтыков даже понял.

Он извинился перед Штрудельманом и протянул руку в знак примирения. Что же наш профессор?

— Молодой человек, вы должны были бы знать, что людям старше вас руку первым не подают.

— А, впрочем, — после затянувшейся паузы, — вот вам моя рука.

Тут уж не только вьюноша, но и сам декан, оторопели. Если бы Штрудельман бросил обидчику перчатку, это едва ли произвело бы больший эффект.

А теперь попробуйте представить, что профессор Штрудельман убил... женщину. Аспирантки закудахтали над несчастным профессором, отпавшая его корвалолом и чаем. И постепенно картина прояснилась.

Профессор пришел в лицей к своему бывшему студенту обсудить какие-то вопросы по компьютерной программе. Беседуя с ним, он вдруг вспомнил, что у него вот-вот должна начаться лекция в Академии. Забыв попрощаться, Штрудельман заметался по коридорам лицея в поисках выхода. И, наконец, увидев спасительную лестницу на первый этаж, устремился по ней. Навстречу поднималась немолодая и грузная учительница. Тормозить было поздно! Сметая неожиданную преграду, профессор превратил в жизнь школьную задачку об инерции движущегося тела. Замедленное сознание прокрутило перед ним картину оползающего по лестнице встречного тела, и он даже приостановился у двери. Но понял, что, как всегда, опоздал с реакцией, и помчался дальше.

Теперь мы с вами знаем доподлинную картину "убийства". Мы, но не Салтыков. Слоняясь по коридору, он стал свидетелем "явки с повинной" и помчался докладывать, но даже не декану, а самому ректору.

А дальше — отмотайте ленту к началу.

Итак, в учительской лицея собрался весь наличествующий педсостав. Молоденький учитель информатики признался, что, действительно, к нему на прошлой перемене приходил его бывший преподаватель математики и как-то странно, не попрощавшись, с криком "Лекция!" умчался, судя по всему, в Академию. Еще раз всех пересчитали. И не досчитались — Екатерины Ивановны — учительницы биологии. Все лестницы, коридоры и туалеты были обысканы на предмет нахождения трупа. И нашли — упрямая биологичка с тридцатилетним стажем отказалась покинуть класс во время урока и продолжала сеять вечное в неразумное. Она пришла, возмущенная тем, что ее отвлекли по столь незначительному поводу: за тридцать лет бывали казусы и похуже, чем пара ушибов, которые она получила из-за этого "невменяемого чьего-то папаши".

Когда потерявший в этой истории пару льготных обкомовских лет жизни бледный директор лицея вошел к себе в кабинет, телефон разрывался. Звонила Красивова — заведующая горобразованием.

— У вас такое ЧП — убили вашего педагога, а вас нет на рабочем месте! Где вы ходите?!

Несколько дней спустя в Академии выработали смягчающую обстоятельства и снимающую с происшедшего анекдотический налет версию: секретарь ректора собственными ушами слышал, как профессор Штрудельман сказал, что убил учительницу дипломатического лицея. Только он сказал, что убил ее словом, а им послышалось "колом".

Вечно с этим странным Штрудельманом какие-то неприятности!

